

Сергей Сергеев

# КАК ВОЗМОЖНА РУССКАЯ русофобия?

ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА

Вероятно, для людей, далёких от идеологических дискуссий внутри русской патриотики, вопрос, поставленный в заглавии этой статьи, покажется абсурдным: «*русская русофобия*» — разве это возможно, разве это не оксюморон, не «кипящий лёд»? Но те, кто к указанным дискуссиям хоть как-то причастен, прекрасно знают, что данная проблема — одна из самых острых и болезненных в патриотическом и националистическом дискурсе.

Как это ни странно, но слово «русофобия» используется представителями русского движения не только (и не столько!) по адресу наших зарубежных недругов и их откровенных приспешников в России, но большей частью по адресу других представителей русского движения, чьи взгляды в той или иной степени не совпадают с их взглядами. Православные и язычники, белые и красные, монархисты и либералы в пылу дискуссии то и дело клеймят друг друга русофобами.

Почему это плохо? Потому что русофобия не есть строгое научное понятие (хотя оно и используется в научной литературе): академической конвенции, насколько мне известно, по её поводу не существует. Каждый волен вкладывать в это слово свои личные антипатии и использовать его в качестве полемического «лома». В русской национально-патриотической среде русофобия — политический ярлык, пожалуй, самый страшный и стигматизирующий, ибо она с давних пор (осо-

бенно после появления одноимённого классического сочинения Игора Шафаревича) воспринимается как обобщённое наименование всего политически и экзистенциально антирусского, а русофоб есть аналог сознательного и коварного (к тому же, как правило, определённым образом этнически маркированного) врага русского народа.

Есть слова, после произнесения которых одной стороной в адрес другой взаимопонимание и дружеское сотрудничество между ними становятся невозможными. Русофобия — эталонный образчик подобного разъединяющего слова. Поэтому мне кажется разумным: 1) найти некое конвенциональное определение русофобии, под которое не попадают националисты (или патриоты), намеренные друг с другом сотрудничать в пределах относительно долгосрочной перспективы; 2) отказаться от употребления данного ярлыка по отношению друг к другу в период этого сотрудничества.

На мой взгляд, русофобией *не* являются:

1) негативные высказывания о русских и России, сделанные русскими людьми (и великими в том числе) в минуту раздражения (таких «русофобских» высказываний я берусь навскидку привести десятки — от Пушкина до Розанова);

2) предпочтение, отдаваемое тем или иным нерусским материальным или культурным ценностям над русскими (не припомню я что-то среди нацио-

налистов поклонников отечественного автопрома или современного отечественного кинематографа);

3) принадлежность (или принципиальная непринадлежность) к какой-либо религии;

4) критическая оценка тех или иных периодов отечественной истории (именно здесь ломается наибольшее количество копий, просто потому, что до недавнего времени настоящее было абсолютно неподвластно для нашего воздействия и «бои за историю» подменяли собой реальную политику);

5) критика тех или иных элементов социально-политического строя России в прошлом и настоящем (или даже всего этого строя в целом);

6) утопические проекты далёкого будущего, восторгающие одних и отвратительные для других (монархия, кастовая система, коммунизм, национал-социализм и т.д.).

Русофобией, напротив, являются:

1) признание за русскими некой онтологической и/или генетической ущербности;

2) экзистенциальная ненависть или страх по отношению к ним;

3) систематическое и сознательное желание им вреда, а не блага;

4) отрицание самих понятий «русский», «русскость» как базовых для политического и культурного дискурса.

При таком подходе мы с удивлением обнаружим, что русофобов-то в русском национальном движении практически нет, и найти общий язык между разными его крыльями станет гораздо легче.

Понятно, что представители различных течений русской патриотики могут сказать о своих оппонентах: да, наверное, они искренне хотят блага русским и России, но реализация их идей принесёт только зло. Подобные дискуссии, тупиковые по определению, ни к чему продуктивному не приведут. Если мы хотим нормального

сотрудничества, нужно ограничиться формальным критерием русофобии как *сознательного негативного отношения к русским, именно потому, что они русские*.

Разумеется, приведённое выше определение в значительной степени носит прагматический и дипломатический характер, *но не только*. Оно имеет и содержательное значение, ибо учитывает тот несомненный факт, что русские — *разные*, но всем им должно найтись место в грядущем русском национальном государстве.

Кроме того, это определение, как мне кажется, имеет эвристическое значение и для понимания нашего прошлого. Опираясь на него, можно рассмотреть историю дореволюционной русской мысли, дабы выяснить: *а как там с русофобией дело обстояло?* Ведь нередко можно услышать это обвинение в отношении многих отечественных мыслителей или даже целых идеологических направлений. Разумеется, в рамках журнальной статьи исчерпывающе осветить этот вопрос нереально, но, во всяком случае, проверить, как сформулированная нами дефиниция работает на историческом материале — задача вполне выполнимая.

\* \* \*

«Когда двое говорят одно и то же, это не одно и то же». Сей парадокс, давно уже сделавшийся банальностью, не худо бы помнить, обращаясь к рассмотрению вопроса о русофобии в русской мысли XVIII — начала XX в.

Советские и постсоветские русофобы активно использовали и используют для пристойного оправдания своей фобии те или иные авторитеты из прошлого, незаконно их приватизируя. И вот какой-нибудь внук комиссара из Бердичева набрасывает благородный флёр на свои инородческо-чекистские комплексы и с пафосом законного наследника русской интеллигентской культуры, уничтоженной его дедушкой, выводит собственную идейную

генеалогию отнюдь не из Ленина, Бухарина и Ягоды, а из Чаадаева, Герцена и Чехова. Его горячие оппоненты-русофилы тут же принимают эти лукавые правила игры и чохом записывают в русофобы всех, на кого благожелательно сослался их ненавистный супостат. И вроде бы действительно последний говорит ровно то же, что и первые...

И вот здесь сразу же уместно будет вспомнить пункт 1 из реестра того, что русофобией *не* является. В девяносто девяти случаях из ста перед нами предстанет именно классическая ситуация *русской* ругани на *русских* и *русское*, *своего* на *своё* и *своих*, не предполагающей, тем не менее, отрицания русскости как таковой. Потому что, посмотрев другие сочинения данного «русофоба» (а иногда даже просто не поленившись заглянуть в следующий абзац того же самого текста), мы обнаружим вполне себе твёрдую и последовательную русофильскую позицию, особенно если дело касается не абстрактного философствования, а жизненной практики. То есть в самом худшем случае мы здесь имеем не *русофобию как последовательный дискурс*, а *русофобское высказывание*. Факт последнего ещё не делает человека носителем первого. По аналогии: *сказать глупость* и *быть глупцом* — «две большие разницы».

То есть в каждом конкретном случае важен контекст русофобского высказывания. Легко понять суть этой проблемы на простом бытовом примере. Страстно любящие друг друга люди нередко страстно же и ссорятся, и вот на пике конфликта один из них (точнее, как правило, *одна*) в бешенстве кричит: «Ненавижу тебя! Ты самый низкий, ты подлый самый! Чтоб ты сдох, проклятый!» Это совершенно очевидное «ивановофобское» высказывание (предположим, что фамилия обличаемого «Иванов»), но вот «ивановофобия» ли это? Ведь в большинстве подобных ситуаций уже на следующий день (а то и

через полчаса) та же самая «ивановофобка» будет ласково шептать на ухо объекту недавней ненависти: «Я тебя люблю больше всего на свете! Ты самый лучший! Я за тебя жизнь отдам!» Возможно, последняя реплика тоже эмоциональное преувеличение, но тем не менее понятно, что определить суть отношения к «Иванову» его возлюбленной как «ивановофобию» было бы капитальной ошибкой.

Другой пример. Того же самого «Иванова» с детства взалхёб ненавидит некий «Петров». Днями и ночами он мечтает выплеснуть на него свою ненависть, поджигает дверь его квартиры, прокалывает шины у машины, травит собаку и т.д. И так годами. Наконец «Петров» напивается и режет врагу в глаза правду-матку: «Ненавижу тебя! Ты самый низкий, ты подлый самый! [Здесь он, возможно, даже добавит: “Правильно твоя Любка тебе говорила” — он слышал вчера через стенку ругань этой пары.] Чтоб ты сдох, проклятый!» Слова совершенно те же, но в данном случае это уже не просто «ивановофобское» высказывание, а выражение самой настоящей «ивановофобии».

Чтобы чётче отделить русофобское высказывание не-русофоба от проявлений собственно русофобии, далее я буду при употреблении первого понятия заключать его в кавычки.

\* \* \*

Сложнее всего говорить о XVIII в. (точнее, о его первой половине), ибо преобразования Петра I с их радикальным отрицанием предшествующей им русской культуры порой напоминают по методам и лозунгам большевистскую денационализацию. Ни в коей мере не одобряя этих методов и лозунгов, тем не менее я осмелюсь утверждать, что русофобия как последовательный дискурс в идеологии петровских реформ отсутствовала, ибо европеизация в ней не мыслилась как дерусификация, а напротив, как возвышение

русскости/«российскости» — тогда эти понятия были фактически идентичны и не противопоставлялись друг другу — на новую, ещё более великую степень могущества и процветания.

Да, петровская «русскость» по многим параметрам конфликтно противостояла старомосковской, но, во-первых, она продолжала — пусть и отрицательно — находиться внутри культурного поля последней<sup>1</sup>, а во-вторых, сам русский («российский») народ в ней не дискредитировался как «неполноценный» (наоборот, декларирувалась вера в его огромные творческие силы), «неполноценными» объявлялись только его старые, «ветхие» формы существования, сама же «народная» (национальная) парадигма развития России сомнению не подвергалась.

Проще говоря, «петровские» русские продолжали считать, что они русские, не видели в этом ничего зазорного, более того, полагали, что их русскость гораздо более «прогрессивна», чем русскость «допетровская». Само сохранение русоцентричной структуры культурно-политического мышления принципиально важно, такая структура в принципе не может породить русофобию.

Довольно характерный образчик подобного самосознания являют собой, например, писания русского агента в Англии Ф.С. Салтыкова, забрасывавшего Петра разного рода проектами. Исследователи в один голос характеризуют его как «крайнего

западника», а некоторые даже видят в его рассуждениях «квинтэссенцию русского западничества, в которой *implicite* содержится вся его философия, теория и практика»<sup>2</sup>. Салтыков мыслит русских как один из европейских народов, ничуть им не уступающий, а лишь несколько задержавшийся в своём историческом развитии, но отставание это способный легко преодолеть: «Российский народ такие же чувства и рассуждения имеет, как и прочие народы, только его довлеет к таким делам управить», чтобы «уравнять наш народ с европейскими государствами»<sup>3</sup>. Салтыков много чего предлагал утопического, но его пожелания по развитию просвещения и торговли уж точно антинациональными не назовёшь, а инициатива о необходимости «обрусения» инородцев явно говорит о русоцентричности мышления этого петровского сподвижника<sup>4</sup>.

Увлечение западной (прежде всего французской) культурой русским дворянством после Петра породило в её среде определённый культурно-психологический тип, дискурс которого вполне можно назвать русофобским: «петиметр — великосветский кавалер, воспитанный по-французски; русское для него не существовало или существовало как предмет насмешки и презрения»<sup>5</sup>. Следует, однако, отметить, что в творчестве культурной элиты и в государственной идеологии той эпохи указанный дискурс заметного следа не оставил, напротив, мы имеем в русской литературе второй половины XVIII в. обширный пласт текстов (Д.И. Фонвизина, А.П. Сумарокова, Н.И. Новикова, Екатерины II и др.),

<sup>1</sup> «Поведение Петра, под некоторым углом зрения, предстаёт не как культурная революция, но как анти-тексты, минус-поведение, находящееся в пределах той же культуры. <...> Поведение Петра, как это ни парадоксально, в большей степени не выходило за рамки традиционных представлений и норм: оно вполне укладывается в эти рамки, но только с отрицательным знаком» (Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Из истории русской культуры. Т. 3. М., 1996. С. 525).

<sup>2</sup> Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 120.

<sup>3</sup> Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 22, 30.

<sup>4</sup> Там же. С. 34.

<sup>5</sup> Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 154.

подобное умонастроение сатирически изничтожающих. Что говорит, с одной стороны, о реальной остроте проблемы, а с другой — о том, что данный тип не занимал господствующего положения в культуре, являя собой не мейнстрим, а некую крайность, причём общественно осуждаемую.

Другое дело, что в сознании даже представителей культурной элиты господствовало презрение к большинству русского населения — крестьянам, воспринимаемым как невежественные дикари и безгласный объект эксплуатации. Но здесь мы сталкиваемся с весьма сложной проблемой: как разграничить *социофобию* и *нациофобию*; где кончается социальный расизм и начинается национальный нигилизм? Безусловно, *как практика*, социальный расизм XVIII столетия вполне может быть назван русофобским. Но *как дискурс* всё же нет, ибо сами-то дворяне свою русскую идентичность не отрицали, полагая себя репрезентативной частью нации.

После же открытия в 1812 году «общенародного» образа нации (в котором крестьянство предстало воплощением аутентичной русскости) русофобия как дискурс в русской культуре могла иметь только глубоко маргинальный характер.

Характерно триумфальное шествие самих понятий «русский», «русское» — радикально отделившихся от прежнего «россиянства», оставленного в удел официозу, — в отечественной культуре (культуре социальных верхов по преимуществу) начиная именно с той поры. Скажем, «для творчества Пушкина зрелого периода употребление слов “Россы”, “Россияне” совсем нехарактерно (например, после 1819 г. “Россияне” упомянуты только три раза)»<sup>6</sup>. У Лермонтова, Тютчева, Тургенева, Толстого, Достоевского, даже у малоросса Гоголя только *русские* —

никаких «россиян». С.М. Соловьёв первый том своей «Истории России с древнейших времён» (1851) начинает рассуждением о «*русской истории*».

«Русским» становится всё: Церковь, армия, торговля, наука, музыка и т.д. Уже к середине XIX в. «россиянин» — очевидный архаизм. Иные энтузиасты предлагали полностью «русифицировать» даже официальный имперский дискурс. Так, в 1862 г. филолог С.П. Микуцкий писал фольклористу П.А. Бессонову (оба они активно участвовали и в общественно-политической жизни): «С XVI века педанты-грамотеи стали вводить в книжный язык речения: *Россия, российский*, — пора бы изгнать из официального слога эти педантские слова и писать: “Император и Самодержец всея Руси”, “Русская Империя”»<sup>7</sup>.

В конце столетия, в 1892 г., в статье «Великоруссы» Д.Н. Анучина в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. 10) констатируется как свершившийся факт, что обозначения «малорусы» и «великорусы» «стали употребляться... с пятидесятих и шестидесятих годов отчасти вследствие оставления вообще искусственного и высокопарного имени “россияне”»<sup>8</sup>. В 1909 г. П.Б. Струве пишет: «Ни один русский иначе, как слегка иронически, не скажет про себя, что он “российский” человек...»<sup>9</sup>.

Разумеется, «русское» в дискурсивном поле не использовалось исключительно только с позитивными коннотациями, но оно очевидным образом сделалось конституирующим понятием культуры и политики Российской империи, что убедительно свидетельствовало о признании имперской эли-

<sup>7</sup> Цит. по: Долбилов М. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 186–187.

<sup>8</sup> Клосс Б.М. Указ. соч. С. 70–71.

<sup>9</sup> Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 206.

той русской этнонациональной идентичности как базовой.

К началу 1860-х гг. ключевыми категориями картины мира русского общества стали понятия «народности», «народной самостоятельности», «самобытности». «Славянофильство восторжествовало»; «все теперь славянофилы»; «все мы ищем самостоятельности и самобытности»; идея народности «теперь у всех в уме и на языке»<sup>10</sup>, — писал в 1862 г. как о чём-то банальном, само собой разумеющемся И.Е. Забелин. При таком градусе национализма в русской культуре русофобии просто негде было разгуляться.

\*\*\*

Всё сказанное выше резко противоречит укоренившимся массовым предубеждениям (которые, к сожалению, разделяются порой и весьма просвещёнными людьми) о том, что «хозяевами дискурса» в русской общественной мысли позапрошлого — начала прошлого столетия были злокозненные «западники-русофобы». Мне уже неоднократно доводилось писать об этом, но проблема столь важна, что я не боюсь повториться.

Чаще всего, по компетентному мнению современного знатока проблемы, «чёрную легенду» о русофобии западников питают «не какие-нибудь убеждения или суждения собственно западников, а образы, порожденные мышлением их критиков»<sup>11</sup>.

В самом деле, неспециалисты чаще всего воспринимают западников по критическим инвективам их оппонентов, до крайности полемически заострённым. Но это то же самое, как если бы считать подлинным лицом славянофильства его отражение в кривом зеркале западнических филиппик. Ка-

рикатуры на идейных противников создавали обе стороны. Судить о реальных западниках по языковскому «К не нашим» («Вы все, — не русский вы народ!») столь же непродуктивно, как о реальных славянофилах по тургеневскому пассажи в поэме «Помещик» («От шапки-мурмолки своей / Ждёт избавленья, возрожденья; / Ест редьку, — западных людей / Бранит — и пишет... донесенья»).

В современной национал-патриотической публицистике из текста в текст кочуют одни и те же цитаты, взятые из вторых, а то и пятых рук. Все рекорды в индексе цитирования, естественно, бьёт неизбежный В.С. Печерин с его навязшим в зубах «Как сладостно отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтоженья, / И в разрушении отчизны видеть / Всемирного денницу возрожденья!». Я далек от мысли записывать эмигранта и католического монаха в пламенные русофилы, но очень сомневаюсь, что кто-нибудь из его нынешних обличителей удосужился заглянуть в итоговую печеринскую книгу — «Замогильные записки», где автор покаянно называет эти строки (написанные им в самой ранней юности — в 18 лет! — под явным влиянием Байрона) «безумными»<sup>12</sup>.

Важно отметить, что настроения Владимира Сергеевича не отличались постоянством, и в 1850 г. он уже обличал «болтливую и меркантильную» Европу, а в русских видел «новых варваров», призванных обновить ее «огнём и мечом»<sup>13</sup>. К тому же, по иронии судьбы, литературное возвращение Печерина на родину случилось благодаря его старинному другу славянофилу Ф.В. Чижев, и впервые, после тридцатилетнего перерыва, его тексты

<sup>10</sup> Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 1. М., 1872. С. 333–335.

<sup>11</sup> Олейников Д.И. Классическое российское западничество. М., 1996. С. 74.

<sup>12</sup> Русское общество 30–40-х гг. XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М., 1989. С. 161.

<sup>13</sup> См.: Мильчина В.С. Печерин В.С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 593.

появились в русской печати на страницах газеты И.С. Аксакова «День» в сопровождении прочувствованного предисловия издателя — признанного лидера тогдашнего славянофильства. Стали бы Чижов и Аксаков с заведомым русофобом якшаться!

Другой столп русофобии, по общепринятому патриотическому канону, — Чаадаев. Не питаю ни малейших симпатий к этой чрезвычайно неприятной фигуре, более того, признаю, что Первое философическое письмо — несомненно «русофобское высказывание» (или «русофобский текст»). Но комплексное изучение наследия Петра Яковлевича всё же не даёт оснований считать его мировоззрение последовательно русофобским. И дело не только в «Апологии сумасшедшего», где он патетически возвещает о великом будущем России. Давайте посмотрим на его позицию по текущим конкретным политическим вопросам, благо есть соответствующие тексты. Вот несколько цитат из статьи «Несколько слов о польском вопросе», написанной в 1831–1832 гг. (т.е. уже *после* окончания работы над всем циклом «Философических писем», созданным в 1828–1830 гг., но за несколько лет *до* публикации первого из них, — т.е., с одной стороны, «русофобская» историософия Чаадаева была к тому времени уже сформулирована, но с другой стороны — она ещё не была официально осуждена, так что эти пассажи не спишешь на конъюнктурное покаяние):

«В областях, присоединённых к Российской империи (не входящих в состав Царства Польского) и называвшихся раньше Литвой, Белоруссией и Малороссией, поляки составляют приблизительно пятидесятую часть всего населения. Остальные почти сплошь русские. Эти последние хранят еще свежую память о насилиях, выпавших на долю их отцов при польском владычестве, и питают к своим господам, пережитку прежнего строя, такую ненависть, что спасением своим

они отчасти обязаны русскому правительству. <...> Расчленять Россию, отрывая от нее силою оружия западные губернии, оставшиеся русскими по своему национальному чувству, было бы безумием. Сохранение их, впрочем, составляет для России жизненный вопрос. В случае, если бы попытались осуществить этот план, она в тот же час поднялась бы всей массой, и мы стали бы свидетелями проявления всех сил её национального духа. <...> Надо, наконец, вспомнить, что первоначально Российская империя была лишь объединением нескольких славянских племен, которые приняли свое имя от пришедших Руссов <...>, и что ныне ещё это всё тот же политический союз, обнимающий две трети всего славянского племени, обладающий независимым существованием и на самом деле представляющий славянское начало во всей его неприкосновенности»<sup>14</sup>.

Здесь нет даже намёка на русофобию — классический русский национализм, не иначе. То есть одно дело, когда Чаадаев абстрактно «историософствует», возможно желая эпатировать публику беспримерной резкостью *теоретических* суждений, другое — когда он обращается к «злобе дня», к проблемам, требующим *практического* и *однозначного* решения, — тут он ничем не уступает в русофильстве Каткову или Ивану Аксакову.

Следует ещё добавить в связи с Чаадаевым два слова о реакции образованного общества на публикацию его скандального сочинения в 1836 г. Обычно вспоминают о солдафонском вердикте Николая I, но ведь возмущена была практически вся культурная элита: Пушкин и Жуковский, Боратынский и Вяземский, В. Одоевский и А. Вельтман, М. Муравьев-Апостол и П. Киреевский и т.д. Но при том никто, даже будущий вождь славянофильства Хомяков, не прервал дружеских от-

<sup>14</sup> Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 514–515.

ношений с автором тезиса об исторической ничтожности России. Видимо, тогда люди понимали разницу между «русофобским высказыванием» и собственно русофобией.

\* \* \*

Но если даже западники-«латинофилы» Печерин и Чаадаев не являли собой законченных русофобов, тем более совершенной напраслиной будет возводить этот поклёп на «классических» западников, западников-либералов, которые вовсе не стремились разрушить Россию, а напротив, искренне хотели её процветания, путь к которому видели в подражании более прогрессивной (в материально-техническом плане так оно и было) Западной Европе, цивилизационно от России ими не отделяемой. Наиболее же «продвинутые» европейские страны в середине XIX столетия либо уже давно являлись (Англия) национальными государствами, либо стали ими совсем недавно (Франция), либо стремительно в них превращались (Германия). Большинство европейских либералов были неприкрытыми националистами, и русские либералы просто последовательно им подражали.

Говорят, дескать, западники выступали против «исторической России». Но что такое «историческая Россия»? Россия Николая I? То есть ничем не ограниченная автократия, крепостное право и зашкаливающее социальное неравенство. Но разве не заслуживает всё это как минимум критики (кстати, в обличении грехов николаевской России славянофилы повинны в неменьшей степени, чем западники)? Во всяком случае, такая критика полностью соответствует пункту 5 моего списка того, что русофобией *не* является. Западники недолюбливали допетровскую Русь? Но это пункт 4 того же списка. Или Московская Русь есть эталон русскости? Но тогда и А.К. Толстого придётся в русофобы занести. А кто-то, напротив, может инкрими-

нировать русофобию славянофилам за отрицание Петербургского периода...

На мой взгляд, наследие русских западников необходимо радикально реабилитировать, ибо именно у них можно найти именно то понимание русскости, которое отстаивают сегодня национал-демократы: *русские — это европейский народ, имеющий право на европейский образ жизни.*

Вот, скажем, почтеннейший С.М. Соловьёв, историческую концепцию которого (равно как и концепцию В.О. Ключевского), помнится, один известный блогер-недоучка имел наглость назвать «русофобской», пишет в своей работе «Древняя Россия» (1856): «...варварский народ тот, который сдружился с недостатками своего общественного устройства, не может понять их, не хочет слышать ни о чем лучшем; напротив, народ никак не может назваться варварским, если при самом неудовлетворительном общественном состоянии сознает эту неудовлетворительность и стремится выйти к порядку лучшему; при этом, чем более препятствий встречает он на своем пути к порядку, тем выше его подвиг; если он преодолевает их, тем более великим является такой народ перед историею. Итак, были ли наши предки варварами?

Брошенные на край Европы, оторванные от общества образованных народов, в постоянной борьбе с азиатскими варварами, подпадая даже игу последних, русские люди неутомимо совершали свое великое дело, завоёвывая для европейско-христианской гражданственности неизмеримые пространства от Буга до Восточного океана, завоёвывая не оружием воинским, но преимущественно мирным трудом, русский народ должен был сам всё создавать для себя в этой стране, дикой и пустынной. Находясь в обстоятельствах самых неблагоприятных, предоставленные самим себе, предки наши никогда не утрачивали европейско-христианского образа. Ни один век

нашей истории не может быть представлен веком коснения; в каждом замечается сильное движение и преуспевание. <...> Древних русских людей можно назвать передовым отрядом европейско-христианских народов, отрядом, выставленным на самое опасное, самое трудное место...»<sup>15</sup>.

Соловьёв правильно (и актуально для нас) акцентировал европейскость русского народа. Он (как и другие западники, представители т.н. «государственной школы» — Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин) ошибался в другом, полагая, что петербургское самодержавие само по своей воле захочет эту европейскость институционализировать. Что ж, как говорится, «никто не совершенен», но несовершенство ещё не есть признак русофобии...

Именно последний тезис почти три года назад я пытался доказать, полемизируя в газете «Литературная Россия» с амбициозным ловцом русофобов армавирским филологом Юрием Павловым по поводу В.Г. Белинского. Павлов бросился воевать с моей старой статьёй о национализме «неистового Виссариона»<sup>16</sup>. Нет, утверждал мой оппонент, не может быть русским националистом, а может быть только русофобом человек, который был плохо образован, допускал несправедливые упреки в адрес славянофилов, питал слабость к картам и женщинам, недопонимал позднее творчество Пушкина, грешил «вульгарным социологизмом», увлекался (недолго) социализмом, отрицал (правда, только в теории) брак, был склонен к антиклерикализму и т.д. Я готов признать: всё перечисленное скорее недостатки, чем достоин-

ства, — но что в этом специфически русофобского? Просто для Павлова и ему подобных западник и либерал не может быть националистом и русофилом по определению, и поэтому он готов ему ставить любое лыко в строку.

Замечательно, что та дискуссия, длившаяся несколько месяцев с участием целого ряда писателей и литературоведов<sup>17</sup>, фактически доказала мою полную правоту: никто из обличителей Белинского не смог отыскать у него ни одной действительно русофобской цитаты. (Да, Белинский говорил о «гнусной расейской действительности», но это относилось не к онтологии русского человека, а к конкретным социально-политическим условиям его бытования 1840-х гг.) Но таких цитат и не могло быть, ибо для Виссариона Григорьевича ключевой категорией его мышления была та самая идея «народности», о которой говорилось выше, и применительно к литературе он был одним из её главных разработчиков. Более того, именно Белинский являлся одним из первых инициаторов употребления слова «нация» в русском языке в его современном значении («нация выражает собой понятие о совокупности всех сословий»), что бдительно пресекалось николаевской цензурой<sup>18</sup>.

В одной из своих поздних статей, имеющей характер духовного завещания, «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» (1847), критик недвусмысленно утверждал: «Что *личность* в отношении к *идее* человека, то *народность* в отношении к *идее* человечества. Другими словами: народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении

<sup>15</sup> Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 16. М., 1995. С. 272, 274.

<sup>16</sup> Сергеев Сергей. «Не хочу быть даже французом...». Виссарион Белинский как основатель либерального национализма в России. К 190-летию со дня рождения // Фигуры и лица. Приложение к «Независимой газете». 14 июня 2001. № 11 (74).

<sup>17</sup> См.: Литературная Россия. 2010. № 14, 15, 17, 25, 29 и др.

<sup>18</sup> См. подробнее: Миллер А.И. История понятия *нация* в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 2. М., 2012. С. 25–28.

к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманистических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание такой-то логики... <...> Человек силён и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — *национальность*. <...> Мы <...> решительно не верим в возможность крепкого политического и государственного существования народов, лишенных национальности, следовательно, живущих чисто внешнею жизнью»<sup>19</sup>.

А вот из той же статьи собственно о русской «национальности»: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племён только мы сложились в крепкое и могучее государство и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спастись от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру своё слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль, — об этом пока еще рано нам хлопотать. <...> В чем состоит эта русская национальность, — этого пока ещё нельзя определить; для нас пока довольно того, что элементы её уже начинают пробиваться и обнаруживаться сквозь бесцветность и подражательность, в которые ввергла нас реформа Петра Великого...

Не любя гаданий и мечтаний и пуще всего боясь произвольных, личных вы-

водов, мы не утверждаем за непреложное, что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе всё чуждое ему; но смеем думать, что подобная мысль, как предположение, высказываемое без самохвальства и фанатизма, не лишена основания...»<sup>20</sup>.

В другой работе 1841 г. Белинский чётко и ясно формулирует символ веры всех либеральных западников: «...мы уже не хотим быть ни французами, ни англичанами, ни немцами, но хотим быть русскими в европейском духе»<sup>21</sup>.

Ну, если это русофобия, то я, как говорил один персонаж Диккенса, готов съесть свою голову...

Есть, правда, у другого известного западника один компрометирующий западничество пассаж. Я имею в виду И.С. Тургенева и монолог одного из героев его романа «Дым» (1867) — Потугина, который себя так прямо и характеризует: «Да-с, да-с, я западник...» Потугин весьма нелицеприятно высказывается о значении современной ему России для мировой цивилизации: «Посетил я нынешнюю весною Хрустальный дворец возле Лондона; в этом дворце помещается, как вам известно, нечто вроде выставки всего, до чего достигла людская изобретательность, — энциклопедия человечества, так сказать надо. Ну-с, расхаживал я, расхаживал мимо всех этих машин и орудий и статуй великих людей; и подумал я в те поры: если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца всё то, что тот народ выдумал, — наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла

<sup>20</sup> Там же. С. 19.

<sup>19</sup> Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1954. С. 21, 19.

<sup>21</sup> Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1979. С. 57.

в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила бы, родная: все бы преспокойно осталось на своём месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут — эти наши знаменитые продукты — не нами выдуманы. Подобного опыта даже с Сандвичевскими островами произвести невозможно; тамошние жители какие-то лодки да копья изобрели: посетители заметили бы их отсутствие».

Но, во-первых, это всё же не слова автора, а персонажа. Разумеется, Тургенев вложил в Потугина и часть себя, но его мировоззрение к «потугинщине» не сводимо, оно, как и мировоззрение тогдашней русской культурной элиты, национацентрично<sup>22</sup>. Во-вторых, и сам Потугин по-своему любит Россию и жить без неё не может: «Да-с; я и люблю и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину. Я теперь вот её покинул: нужно было проветриться немного после двадцатилетнего сидения за казенным столом, в казенном здании; я покинул Россию, и здесь мне очень приятно и весело; но я скоро назад поеду, я это чувствую. Хороша садовая земля... да не расти на ней морошке!»

И ведь суть претензий Потугина к родине не в том, что она *не способна в принципе* создать что-либо великое во благо мировой цивилизации, а в том, что *пока она этого не создала*. Это не ненависть, а ревнивая обида за то, что самое дорогое для него не так хорошо, как хотелось бы.

<sup>22</sup> Причём порой в неожиданно биологизаторской трактовке, достойной А.Н. Севастьянова. Например, в тургеневских воспоминаниях о Белинском последний описывается так: «Его выговор, манеры, телодвижения живо напоминали его происхождение; вся его повадка была чисто русская, московская; недаром в жилах его текла беспримесная кровь — принадлежность великорусского духовенства, столько веков недоступного влиянию иностранной породы» (Тургенев И.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1962. С. 78).

\* \* \*

Раз уж в либеральном западничестве трудно найти признаки русофобства, тем более последнее не могло хоть сколько-нибудь заметно присутствовать и в самом влиятельном направлении русской дореволюционной мысли — *народничестве*, во всех его многочисленных и разнообразных изводах.

Начнём с того, что главного протагониста народничества А.И. Герцена если и нельзя однозначно определить *только как русского националиста*, но точно не будет натяжкой сказать: *он был и националистом тоже*. Ему явно присущ националистический дискурс, во многом наследующий традициям дворянского национализма первой четверти XIX в. Для него естественна именно националистическая, а не космополитическая картина мира: «Народы любят соотечественников — это понятно, но что такое любовь, которая обнимает всё, что перестало быть обезьяной, от эскимоса и готтентота до далай-ламы и папы, — я не могу в толк взять... что-то слишком широко»<sup>23</sup>. И в этой картине мира Герцена, в сущности, интересует только одно — Россия и русские. Нигде не найти у него хоть каплю русофобии.

Александр Иванович последовательно отделяет свою ненависть к «чудовищному петербургскому правительству» от любви к русскому народу. «Я страшно люблю Россию и русских», — повторяет он постоянно в своих сочинениях и письмах. Он верит в великую всемирную миссию своей страны и своего народа, «народа будущего»: «Судьба России колоссальна... Я вижу это помазание на нашем челе». Но при этом у него нет мазохистских деклараций о том, что русские должны отречься от себя ради этого великого будущего.

<sup>23</sup> Герцен А.И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М., 1956. С. 312.

Живя в эмиграции, Герцен постоянно подчёркивает свою русскость и свою чуждость Европе. «...Я физиологически принадлежу другому миру»<sup>24</sup>, — говорит он в письме Моисею Гессу. Наконец, что важнее сорока тысяч теорий, он не желает, чтобы его дети стали иностранцами, постоянно напоминая им об их национальных корнях: «...доволен я и тем, — пишет он дочери о её отношениях с европейцами, — что ты наконец поняла, <...> что все эти хорошие люди *чужие*. <...> Итак, друг мой, оставайся в душе русской девушкой и храни в себе это чувство родства и сочувствия к нашей форме»<sup>25</sup>. Он надеется, что после его смерти они вернутся на Родину. Да, дети не выполнили завет отца (хотя и русскости тоже не утратили), но внук Александра Ивановича — Петр Александрович (1871–1947) переехал в Россию и стал одним из основоположников клинической онкологии в СССР.

Характерно, что, воюя с самодержавием, Герцен всячески стремится подчеркнуть его нерусскую или даже антирусскую природу, оно для него — «татарско-немецкое». Постоянная мишень для его критических стрел — немецкое окружение Романовых<sup>26</sup>.

Да, Герцен — социалист, но его социализм был именно *русским*, цель которого — благо русских, а не какой-нибудь «Интернационал». В этом смысле Герцена вполне можно назвать русским левым националистом. Сходного образа мыслей держались и другие отцы-основатели «русского социализма» — М.А. Бакунин и Н.П. Огарёв.

У собственно народников — от П.Л. Лаврова до В.Г. Короленко — этот националистический концепт

либо отсутствовал, либо был очень сильно приглушён, они позиционировали себя как движение, отстаивавшее интересы социальных низов. Но — воленс-ноленс — получалось, что народники отстаивали интересы *русских* социальных низов, каковые составляли большинство населения империи, а конкретнее — *русского крестьянства*.

Народников можно обвинить во многих грехах, например, в антигосударственничестве, но никак не в русофобии, напротив, именно они (вместе с Достоевским и Толстым) создали слащаво-восторженный культ русского крестьянина как невинного, смиренного страдальца, вмещающего в себя все возможные добродетели. Кроме того, по народнической логике, Россия призвана опередить Европу на пути построения нового, светлого социалистического мира, что сообщало данной доктрине отчётливый привкус квазиславянофильского «самобытничества» (недаром Г.В. Плеханов определял народничество как «незаконное дитя славянофильства») и тоже не способствовало возникновению русофобских настроений, наоборот, провоцировало настроения русофильские.

Даже у таких наследников народничества как эсеры (в руководстве которых было немало евреев) это русофильство легко прослеживается (особенно ярко, конечно, на примере Б.В. Савинкова). Вот, скажем, характерная цитата из письма 1916 г. эсерки-максималистки Н.С. Климовой, участницы знаменитого теракта на Аптекарском острове (1906): «...Я знаю, что я имею ещё что-то, чего нет у madame Ruecht [некая швейцарская дама, письмо написано из эмиграции в Швейцарии], что-то очень большое и важное, что мне дала ленивая и пьяная Россия, и что это что-то есть самое большое и важное на свете. Когда я думаю о будущем России, о той России, которая проснётся и начнёт по-настоящему, по-европейски рабо-

<sup>24</sup> Там же. Т. 9. М., 1958. С. 380.

<sup>25</sup> Там же. С. 484.

<sup>26</sup> Об этом я уже писал подробно в статье «“Хозяева” против “наёмников”». Русско-немецкое противостояние в императорской России» // Вопросы национализма. 2010. № 3. С. 56–57.

тать, то у меня от радости кружится голова»<sup>27</sup>.

То есть, несмотря на констатацию русских недостатков («ленивая и пьяная Россия»), Климова совершенно уверена в великом будущем своего народа, потому что в нём — даже в его наличном, далеко неидеальном состоянии — есть мистическое «ещё что-то», отсутствующее у трудолюбивых и трезвых европейцев.

Показательно, что эсерам симпатизировали такие выдающиеся творцы русской культуры с ярко выраженным национальным мировоззрением как Александр Блок и Андрей Белый (отчасти и Сергей Есенин). Так же как, разумеется, не случайна победа эсеров на выборах в Учредительное собрание и их популярность в среде (даже зажиточных) крестьян и сельской (прежде всего учительской) интеллигенции.

\* \* \*

Подлинный взрыв того, что можно было бы назвать русофобией, мы видим в сочинениях, дневниках, письмах русских писателей и интеллектуалов 1917 — начала 1920-х гг. Причём содержательно пассажи этих очень разных авторов на удивление схожи, но поскольку в большинстве случаев всё это писалось в стол, заподозрить прямое взаимовлияние невозможно.

И.А. Бунин (из дневника 1917–1918 гг.): «С револьвером у виска надо ими править. <...> Злой народ! Участвовать в общественной жизни, в управлении государством — не могут, *не хотят* за всю историю. <...> Это этот-то народ, дикарь, свинья, грязная, кровавая, ленивая, презираемая ныне всем миром, будет праздновать *интернационалистический* праздник. <...> Будь проклят день моего рождения в этой стране!»<sup>28</sup>.

<sup>27</sup> Цит. по: Кан Г.С. Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб., 2012. С. 142.

<sup>28</sup> Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 42, 59, 60.

В.В. Розанов («Апокалипсис нашего времени», 1918 г.):

«Благородное на Руси — всё от татар. Славянская кровь — вонюча».

«Явно, Чаадаев прав с его отрицанием России, которая умеет только пускать сопли на ту дудку, которую держит во рту».

«Все вообще русские, племя слабое, ничтожное. Племя глупое и варварское. “Земля наша велика и обильна”, но чумичка, обетовавшая на ней, не умела ни пахать земли, ни разводить садов, ни ухаживать за скотом. Она, видите ли, всё “молилась” и под предлогом молитвы ничего не делала. Любили же тучную землю одни колонисты, пришельцы, — евреи, немцы, латыши, татары. <...> И вот, пришёл час предложить ужасный вопрос <...>: “Кто истинное дитя отечества, тот ли, кто вечно жил на ней — только гадил свою землю, гадил и ругал, гадил и *проклинал*...” <...> или: кто подвизывал тихо ягодку-малинку к яголке-малинке, собирал грибы благочестивые, копил сметанку милую, творог делал, доил коровку, холил лошадку. Это — евреи, немцы, латыши. <...> Так вот моё слово <...>: убирайтесь же вы к чёрту с русской земли, Ивановы и Александровы, и отдайте её Генрихам и Соломонам. Ибо они одни были честные в русской земле. *Эй, берите землю, немцы*, — и гоните русскую сволочь»<sup>29</sup>.

С.Н. Булгаков (из письма П.А. Флоренскому, 1922 г.): «В теперешнем виде русский характер не годится никуда: это — кисель без всякого костяка, это, действительно, *рабье* состояние...»<sup>30</sup>.

М.О. Меньшиков (из дневника 1918 г.): «Англия, Германия, Франция... это звучит гордо. Соединенные Штаты — это звучит богато и могуче. Италия, Испания, Греция — зву-

<sup>29</sup> Розанов В.В. Собр. соч. Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 337, 347, 357.

<sup>30</sup> Переписка священника П.А. Флоренского со священником С.Н. Булгаковым. Томск, 2001. С. 186.

чит красиво. Даже Китай, Япония, Индия дали великие цивилизации, даже Аравии и Египту есть чем похвалиться. <...> А Россия? “Ничего”. <...> Самовар, квас, лапти. <...> Только в прикосновении с Европой Россия как будто стала принимать облик культурной страны. Но вспомните горькое пророчество Руссо о России (“сгнила, раньше, чем созрела”). <...> И в XIX веке мы ничего не дали более знаменитого, чем нигилизм. И в XX в. ничего, кроме оглушительного падения в пропасть. <...> Верю в то, что потеря независимости даёт нам необходимое освобождение от самих себя. Ибо не было и нет более подлых у нас врагов, как мы же сами. Вяжите нас — мы бешеные! Земля, это точно, велика и обильна, но порядка нет, а потому придите бить нас кнутом по морде! Даже этой простой операции, как показал опыт, мы не умеем делать сами»<sup>31</sup>.

Историк С.Б. Веселовский (из дневника 1918 г.): «Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство. Великоросс построил Российскую империю под командой главным образом иностранных, особенно немецких, инструкторов и поддерживал ее выносливостью, плодovitостью и покорностью, а не способностью прочно усваивать культурные навыки, вырабатывать свое право и строить прочные ячейки государства. <...> Мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отстала, но и низшая раса»<sup>32</sup>.

Историк Ю.В. Готье (из дневни-

ка 1917 г.): «Большевики — истинный символ русского народа, народа Ленина, Мясоедова, Сухомлинова — это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства и, на почве двух последних качеств, измены. <...> Мы годны действительно только, чтобы быть навозом для народов высшей культуры, и в нашей культуре были правы только отрицатели, начиная с Курбского, Хворостинина и кончая Чаадаевым, Печериным и т.п.»<sup>33</sup>.

По всем критериям, эти иеремиады, принадлежащие, как на подбор, авторам, национально мыслящим, а то и вообще форменным русским националистам, — просто классика русофобии, такого накала и концентрации она до того в русской культуре не знала. И тем не менее это всего лишь «руссофобские высказывания», ибо здесь принципиально важен исторический контекст — время, когда у русской культурной элиты возникло поистине апокалиптическое ощущение «полной гибели всерьёз» России и русского народа. Перед нами вопль отчаяния людей, все основания жизни которых разбились в прах, которые вместо русско-европейской России узрели вдруг «ожидовавшую Азию»<sup>34</sup>. Чувствуется во всех этих проклятиях в адрес своего народа некий мазохистский надрыв, самоистязание, расцарапывание ран. Во всяком случае, мне кажется, у нас нет морального права судить людей, попавших в исторический ад (хотя и подражать им тоже не стоит).

Тем более что практически у любого из них — в тех же самых текстах — рядом с безысходностью вдруг появляется надежда: кто-то ждёт победы белых, кто-то духовного возрождения, кто-то (как Булгаков) видит якорь спасения в католицизме... Но для всех них русский народ оставался главной

<sup>31</sup> М.О. Меньшиков. Материалы к биографии // Российский архив. Т. 4. М., 1993. С. 12–13.

<sup>32</sup> С.Б. Веселовский. Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М., 2010. С. 229, 235.

<sup>33</sup> Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 13, 14.

<sup>34</sup> Там же. С. 259.

ценностью (по крайней мере, в пределах земного бытия). Как написал Бунин в «Окаянных днях»: «Если бы я эту “икону”, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто?»<sup>35</sup>. Или же Розанов в письме к П.Б. Струве (февраль 1918): «...люблю и люблю только один русский народ, исключительно русский народ. <...> Клянусь и проклинаю. И только эту “вошь преисподнюю” и люблю. И хочу — сгнить, сгнить — с нею одной, рыдая об этой его окаянной вшивости»<sup>36</sup>.

Никто из них не отрёкся от звания *русского* писателя, историка, священника... А некоторые (как Меньшиков) и жизнью за эту верность заплатили.

\* \* \*

*Так что же получается: в досоветской русской культуре русофобия как артикулированный, последовательный дискурс отсутствовала?*

Выходит так, если, конечно, следовать критериям русофобии, предложенным в начале этой статьи. Теоретически можно предположить, что имелись какие-то маргинальные явления, данным критериям отвечающие, о которых, может быть, что-то знают очень узкие специалисты, но даже если такие явления и обнаружатся, то это лишь косвенным образом подтвердит напрашивающийся из моего исследования вывод.

Но, собственно, по-другому и быть не могло. Русская классическая культура, как и любая другая европейская культура того времени, была сущностно национацентрична, следовательно, применительно к отечественным реалиям, *русоцентрична*. Да, существовали разные версии русоцентризма, но отвергать его вовсе мог себе позволить только заведомый и безнадёжный маргинал.

Отрицали государство, социальную систему, те или иные периоды истории (или даже *всю* историю), но на народ, как на субстанцию национального, не покушались. Ибо, во-первых, подобные покушения жёстко карались общественным остракизмом (например, такой властитель дум как Салтыков-Щедрин подвергся резкой критике со стороны вполне «прогрессивного» тогда А.С. Суворина за то, что в «Истории одного города» посмел высмеять не только градоначальников «города Глупова», но и самих «глуповцев»). А во-вторых, радикальное отрицание русскости, по логике, явилось бы и самоотрицанием самих отрицателей, в принципе не мысливших себя в рамках иной, кроме русско-национальной, идентичности. Даже такие проповедники приоритета религиозных ценностей над национальными как К.Н. Леонтьев и Вл. С. Соловьёв эту идентичность безоговорочно признавали. Наконец, даже Ленин в 1914 г. был вынужден прикрывать пораженческую позицию своей партии некой особой формой «*национальной гордости великороссов*».

Из крупных фигур вплотную приблизился к русофобии как дискурсу разве только Горький, но и он не выдерживал его до конца и, скажем, в декабре 1917 г. мотивировал своё неприятие деятельности большевиков именно её антирусским характером:

«Да, я мучительно и тревожно люблю Россию, люблю русский народ.

Мы, русские, народ, ещё не работавший свободно, не успевший развить все свои силы, все способности, и когда я думаю, что революция даст нам возможность свободной работы, всестороннего творчества, — моё сердце наполняется великой надеждой и радостью даже в эти проклятые дни, залитые кровью и вином.

Отсюда начинается линия моего решительного и непримиримого расхождения с безумной деятельностью народных комиссаров.

<sup>35</sup> Бунин И.А. Указ. соч. С. 101.

<sup>36</sup> Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 681.

Я считаю идейный максимализм очень полезным для расхлябанной русской души, — он должен воспитать в ней великие и смелые запросы, вызывать давно необходимую дееспособность, активизм, развить в этой вялой душе инициативу и вообще — оформить и оживить её.

Но практический максимализм анархо-коммунистов и фантазёров из Смольного — пагубен для России, и прежде всего — для русского рабочего класса.

Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них — та лошадь, которой учёные-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обречённый на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадка может издохнуть.

Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают её в жертву своей грёзе о всемирной или европейской революции»<sup>37</sup>.

Да, позднее Горький пойдёт с большевиками на капитулянтскую мировую (хотя композитор Г.В. Свиридов вспоминал, что после приезда писателя в СССР русской творческой интеллигенции стало жить несколько легче), но в приведённой выше цитате прекрасно сформулировано принципиальное противоречие между теми русскими интеллигентами, которые поддержали Октябрьскую революцию, видя в ней *русскую национальную революцию*, несущую для русского народа *«возможность свободной работы, всестороннего творчества»*<sup>38</sup>, и «фантазёрами

из Смольного», которым *«нет дела до России»* и которые грезят о *«всемирной революции»*.

Такие выдающиеся представители русской культуры как А. Белый, А. Блок, С. Есенин, Р. Иванов-Разумник, Н. Клюев, Н. Кондратьев, А. Чаянов и др. в своей поддержке Октября исходили из левонароднических, а отнюдь не большевистских воззрений. Но практически все они очень скоро оказались с коммунистическим режимом в конфликте, который для многих из них закончился гибелью. В 1931 г. партийный критик О.М. Бескин, директивно и издевательски обвиняя т.н. крестьянских поэтов (Клюева, С. Клычкова, П. Орешина) в таких страшных преступлениях как «славянофильство», «русопятство», «погружение в глубины “народного духа” и красоты “национального фольклора”», а главное, в именовании СССР — «Советской Русью», предельно откровенно обнажил суть этого конфликта, как бы подтверждая горьковский диагноз 1917 г.: «великодержавнику Клычкову никогда не понять, не дойти до того, что Октябрьская революция — не русская революция»<sup>39</sup>.

\* \* \*

Подлинная русофобия впервые стала влиятельным дискурсом в России только после Октября 17-го. Более того, она надолго стала *господствующим*, официозным дискурсом. И именно потому, что большевистская революция была — не по причинам, не по действующим социальным силам, а *идеологически* — *«не русской революцией»*.

И дело тут не в марксизме как таковом (у меньшевиков, особенно у Плеханова, мы особого национал-нигилизма не наблюдаем) и не только в инородческом засилье в большевистском руководстве (как уже упоминалось выше,

<sup>37</sup> Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 96.

<sup>38</sup> См. подробно об этом широко распространённом умонастроении: Азурский Михаил. Идеология национал-большевизма. М., 2003. С. 19–56.

<sup>39</sup> Цит. по: Вдовин А.И. Русский народ в XX веке. М., 2013. С. 74.

среди эсеровского руководства инородцев было тоже достаточно), наконец, даже не только в фанатическом интернационализме ВКП(б). Всё вышперечисленное сумело так мощно активироваться исключительно благодаря захвату большевиками власти, которая, по ленинскому определению, «валялась на улице».

Лишь опираясь на рычаги государственного воздействия — от контроля за продовольствием и образованием до массовых расстрелов, представители маргинальной политической секты сумели сделать своё мировоззрение признаваемым, а главное, *выгодным*, — поэтому его бросились пропагандировать как те, кто раньше держал своё экзистенциальное русоненавистничество при себе, так и просто беспринципные рыцари карьеры, которых всегда много в любой стране в любую эпоху. Мировоззрение, в котором национальное вообще — а русское в первую очередь — не являлось ценностью, а напротив — тем, что нужно *как можно скорее* преодолеть.

«Как можно скорее» здесь очень важно, ибо большевистская программа была завязана на немедленную мировую революцию, для которой национальное самосознание самого большого народа России представляло главнейшее препятствие. «Мы руководствуемся не национализмом, но интересами мировой революции» — так формулировал в 1921 г. принципы внешней политики Советской России наркоминдел Г.В. Чичерин<sup>40</sup>.

Позднее на этот концепт наслонилась политика привлечения симпатий национальных окраин, основанная на сознательно и планомерно осуществляемой «позитивной дискриминации» русского Центра в их пользу<sup>41</sup>.

<sup>40</sup> Военно-исторический журнал. 1990. №7. С. 28.

<sup>41</sup> См.: *Мартин Терфи*. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. М., 2011.

На окраинах проводилось активное нациостроительство, для русских даже национальный дискурс был запрещён почти абсолютно<sup>42</sup>.

В результате, говоря словами отнюдь не русского националиста, а современного объективного немецкого исследователя, лидеры большевизма — прежде всего Ленин и Бухарин — сформулировали официальную государственную доктрину, согласно которой, «русский народ должен расплачиваться за свои прежние привилегии и шовинизм»; «русские зачислялись теперь в разряд угнетающей нации, несмотря на то, что до 1917 г. русские крестьяне едва ли в большей мере чувствовали своё родство с правящей элитой, чем сельские жители в нерусских регионах России»; «русская нация <...> предстала в отталкивающем облике некоего союза угнетателей»<sup>43</sup>.

То есть марксистами-большевиками были забыты всякие классовые критерии — *русских дискриминировали именно как русских*, это в равной степени касалось и интеллигенции, и крестьянства (а по большому счёту, и рабочего класса). Таким образом, большевики радикально разорвали с народнической традицией. М.М. Пришвин записал в дневнике 1920 г. характерный разговор с А.Б. Каменевым: «...говорил ему о [большевистском] “свинстве”, а он в каких-то забытых мной выражениях вывел так, что они-то (властители) не хотят свинства и во все они не свиньи, а материал свинский (русский народ), что с этим народом ничего не поделаешь». Очевидно, этот разговор произвёл сильное впечатление на писателя, ибо он вернулся к нему

<sup>42</sup> Л.Я. Гинзбург отметила в своих записных книжках (1926): «У нас сейчас допускаются всяческие национальные чувства, за исключением великороссийских» (*Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе*. СПб., 2011. С. 380).

<sup>43</sup> *Бабефовски Йорг*. Красный террор. История сталинизма. М., 2007. С. 70.

в дневнике в следующем году, увидев в тезисе своего собеседника отрицание всего прежнего интеллигентского дискурса о «народе»: «Каменев мне сказал, что декреты хороши, а народ плох. Раньше мы говорили, что хорош народ, дурно правительство, теперь хорошо правительство, дурён народ»<sup>44</sup>.

Поэтому история СССР как минимум до 1941 г. — это в том числе и история борьбы коммунистического режима с русским большинством страны, которое, в свою очередь, этот режим своим не считало<sup>45</sup>.

В программной работе вождя партии и председателя правительства о русских — без всяких попыток их социальной дифференциации — говорилось как о «*так называемой “великой” нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда)*»<sup>46</sup>. Главный теоретик партии Н.И. Бухарин вплоть до 1936 г. печатно пропагандировал концепцию «русские — “нация обломовых”» и бдительно боролся с любыми проявлениями «великорусского шовинизма» (в том числе и в поэзии Есенина — см. статью 1924 г. «Злые заметки»). Наркомпрос А.В. Луначарский задачу советского образования видел в том, чтобы русские, «если у них есть предубеждение в пользу русского народа, русского языка или русского села <...> должны осознать,

что это чувство — самое неразумное предубеждение»<sup>47</sup>. Замнаркомпрос, практически официальный руководитель советской исторической науки М.Н. Покровский объявлял, что ««русская история» — есть контрреволюционный термин», и доказывал, что «великорусская народность» — фикция буржуазных историков. Целый хор «пролетарских поэтов» — Демьян Бедный, А. Безыменский, Джек Алтаузен, В. Александровский, А. Ясный и проч. (имя им легион...) — на разные лады проклинал само «*растреклятое*» слово «Русь», «*чтоб слова такого не вымолвить ввек*» (Безыменский).

В мою задачу не входит подробный анализ большевистской русофобии, ибо тема данной статьи — возможность *русской* русофобии, а русофобия 1917 — середины 1930-х гг. — *нерусская* русофобия. И не потому, что её создатели и исполнители — инородцы (хотя, разумеется, она дала инородческим фобиям и претензиям официальное прикрытие)<sup>48</sup>; те же Бухарин<sup>49</sup>, По-

<sup>44</sup> Пришвин М.М. Дневники 1920–1922 гг. М., 1995. С. 116, 169.

<sup>45</sup> «Уже Ленин отмечал, что большевики подобны меньшинству оккупантов в завоёванной стране и соответственно ведут себя. <...> Советское государство с самого начала приобрело исключительно антинародный характер, что дало Николаю Верту полное право озаглавить свою <...> статью <...> “Государство против своего народа”» (*Грациози Андреа*. Война и революция в Европе: 1905–1956. М., 2005. С. 215).

<sup>46</sup> Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // ПСС. Т. 45. С. 359.

<sup>47</sup> Цит. по: Хоскинг Джеффри. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М., 2012. С. 90.

<sup>48</sup> По замечанию знавшего ситуацию не понаслышке советского поэта еврейского происхождения Д. Самойлова, если до революции «еврейские интеллигенты шли в Россию с понятиями об обязанностях перед культурой», то евреи-большевики «шли с ощущением прав, с требованием прав и реванша» (Цит. по: Костырьченко Г.В. Сталин против космополитов. Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2010. С. 37).

<sup>49</sup> «Бухарин испытывал подлинную ненависть к русскому прошлому и, пожалуй, из всех лидеров большевистской партии наибольшим образом олицетворял антинациональные идеи раннего большевизма. <...> Это было нечто экзистенциальное, некая национальная самоненависть, национальный нигилизм» (*Агурский М.* Указ. соч. С. 207). В 1924 г. эмигрант из России И. Британ опубликовал за рубежом текст письма, авторство которого рядом авторов приписывается

кровский, Александровский — этнические русаки. А потому что она основана на принципиальном отказе от самого понятия «русскость». Таким образом, ответ на поставленный в заглавии вопрос таков: *русская русофобия невозможна, она возможна лишь у нерусских или русских, не желающих быть русскими, — следовательно, тоже нерусских.*

Ленин в прошении о выдаче советского паспорта написал: «*Национальности нет*»<sup>50</sup>. По-моему, надо с доверием отнестись к самоидентификации «вождя мирового пролетариата».

\* \* \*

Естественно, русофобия в качестве государственной идеологии в стране, где русских — большинство, долго не смогла продержаться. С середины 30-х

Бухарину, в котором очень ясно определено отношение большевиков к России и русскому народу (и даже если письмо — апокриф, разница формулировок, содержащихся в нём, и большевистского официоза не столь уж велика): «Для меня современная Россия, т.е. С.С.С.Р., это — случайная, временная территория, где пока находимся мы и наш Коминтерн <...> Как вы не понимаете, что то, что дорого вам, — некая абсолютная самоцель (“Россия”, “Русь”), нас интересует лишь поскольку речь идёт о материале и о средствах для мировой революции? <...> Да, ваша Россия, конечно, погибает, в ней теперь нет ни одного класса, коему когда-либо и где-либо жилось пакостнее, чем в нашем совдепском раю <...>; мы экспериментируем над живым, всё ещё, чёрт возьми, живым народным организмом, как первокурсник-медик “работает” над трупом бродяги, доставшимся ему в анатомическом театре... <...> “Народ безмолвствует”... И будет молчать, ибо он, голубчик, не “тело Христово”, а стадо, состоящее из скотов и зверей. <...> На Россию мне *наплевать*, слышите вы это — *наплевать*, ИБО Я БОЛЬШЕВИК!!» (Наш современник. 1990. №8. С. 156–157, 159).

<sup>50</sup> См.: Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 89.

происходит некоторая «русификация» большевистской риторики<sup>51</sup>, наконец, Великая Отечественная война окончательно утверждает русскую идентичность (в советской «упаковке») в числе официально признанных ценностей. После этого открытая русофобия снова становится явлением маргинальным, уходит в диссидентские кружки (где не последнюю роль играли потомки «комиссаров в пыльных шлемах»), сам- и тамиздат, поменяв, правда, идеологическое обрамление — с коммунистического интернационализма на либеральный космополитизм.

Именно этот дискурс и стал отправной точкой для критического анализа в работе И.Р. Шафаревича. Именно он в конце 80-х сделался одним из важнейших элементов идеологии «демократов», а затем и официоза первых лет ельцинского правления. Но уровня общественного влияния и институционализации 20-х годов ему всё же достичь не удалось.

И коммунистическая, и либеральная русофобия сегодня, по сути, мертвы, будучи уделом небольшой кучки «изряднопорядочных». Но на наших глазах государственной идеологией становится новая — на сей раз, как это ни парадоксально, патриотическая — форма русофобии, замешенная на «россиянстве» и «евразийстве». При всей разнице с предшественницами суть её та же — отрицание русскости как базовой идентичности русских, растворение русскости в некоем наднациональном проекте. Но эта замаскированная великодержавной болтовнёй версия русофобства может стать гораздо опасней большевистской, ибо

<sup>51</sup> Впрочем, Г.В. Свиридов вспоминает, что и во второй половине 30-х «слово “русский” было совершенно под запретом, как и в 20-е годы. <...> Впервые я услышал это слово в названии пьесы Симонова “Русские люди” уже во время войны, когда потребовалась (и обильно!) кровь» (Свиридов Георгий. Музыка как судьба. М., 2002. С. 423, 210).

основывается на широко применяемой практике замещения русского населения выходцами из бывших советских среднеазиатских республик.

Думаю, чем больше будет смещаться этнический баланс в РФ в пользу «евразийских братьев», тем откровенней и циничнее станут откровения очередных дерусификаторов России.

**P.S.**

Эта статья была уже написана, когда в Интернете появился «одобрямс» по поводу инициативы В.В. Путина о едином школьном учебнике истории, принадлежащий советнику президента Чечни Тимуру Алиеву:

«Нет даже смысла говорить о возможной поддержке или не поддержке данного предложения. Если мы думаем о будущем нашей страны, то инициатива президента — неизбежность, которая произойдет рано или поздно. <...> История Москвы — это скорее история Руси. Не случайно сторонники величать жителей РФ русскими кивают на учебники, утверждая, что история нынешнего российского государства — это история русских людей. Однако чтобы называться гражданами России, чтобы стать россиянами, нам нужен иной бэкграунд. Иначе мы так и останемся то ли русскими, то ли

москвичами (московитами). Мы никогда не станем россиянами, не создав общей истории — истории всех территорий, ныне входящих в состав российского государства. <...> Разве на территории нынешней России существовало только Московское царство? А Тверское великое княжество, Булгария, Золотая Орда с Синей и Белой, Великое княжество Литовское? Разве мы, сегодняшние, не потомки людей, что некогда населяли те территории? И разве нынешняя Российская Федерация, подобно полноводной реке, вбирающей в себя ручейки и речушки, не впитала в себя опыт, политическую и этническую культуру всех тех мест?»<sup>52</sup>.

Что ж, грамотно сделано. Начинается с типичного восточного верноподданничества, а затем под камуфляжем «отказа от москвоцентризма» (тема на самом деле важная и актуальная) протаскивается отказ от *русоцентризма*. И что-то мне подсказывает, что не в пользу «Тверского великого княжества», а в пользу «Золотой Орды с Синей и Белой», а то и чеченского Имамата.

<sup>52</sup> <http://vz.ru/opinions/2013/3/1/622621.html>